

Виловатых Анна Вячеславовна*, кандидат политических наук, ведущий эксперт Центра координации исследований РИСИ.

Информационное противоборство как фактор истории и современных политических отношений

Информационное противоборство представляет собой многоликий феномен и предмет исследования разнообразных отраслей социально-гуманитарного знания. Междисциплинарный характер данного общественно-политического явления определяется прежде всего тем, что информационное противоборство имеет массу сущностей.

Впервые в исследовательском смысле понятие "информационное противоборство" (*information warfare*) употребил аналитик из США Томас Рона в отчёте "Системы оружия и информационная война", подготовленном в 1976 г. для компании "Боинг". В указанном документе специалист отмечает, что с течением времени информационная инфраструктура стала ключевым компонентом американской экономики и политики и одновременно превратилась в цель воздействия для внешних сил, причём довольно уязвимую, в военное и мирное время. Впоследствии данный вывод был широко растиражирован не только военными и правительственными кругами США, но и американскими СМИ¹. С тех пор в экспертно-аналитическом дискурсе западных государств наблюдается применение категорий "информационное противоборство", "информационная война", "информационное воздействие" и прочих родовых понятий.

Контент-анализ дефиниций понятия "информационное противоборство", используемых современными учёными и практиками, свидетельствует о том, что в зависимости от контекста оно исследуется в качестве:

- проекции военного конфликта;
- коммуникативной технологии;
- способа психологического и/или технического воздействия;
- части геополитических отношений.

Можно достаточно уверенно предположить, что противоборство в информационной сфере охватывает каждую из указанных выше областей, особенно на нынешнем этапе мирового развития. Однако включению одноимённой категории в нормативно-правовую базу зарубежных стран и разветвлённости практик в сфере информационного противоборства

* VilkaVulkan@yandex.ru

¹ Rona Th.P. Weapon Systems and Information War. Boeing Aerospace Co. Seattle, WA, 1976. P. 3–13.

предшествовал колоссальный опыт, накопленный за много веков до активизации информационного сопровождения деятельности современных акторов мировой политики.

Политическая сущность информационного противоборства

Информационное противоборство утверждалось в качестве неотъемлемой части политических, в частности межгосударственных, отношений постепенно. Исторически причиной выделения информационного противоборства в самостоятельный политический процесс явилось перманентное стремление людей снизить собственные потери в конфликтах, сократить время на ослабление возможностей и воли соперника. Как указывает политолог И. Н. Панарин, "самая ранняя из известных форм воздействия на противника небоевыми средствами – устрашение его своей (иногда мнимой) боевой мощью, – возникла очень рано. Её следы мы видим в вооружённых столкновениях племён в эпоху разложения первобытно-общинного строя..."².

С появлением государства как субъекта организации социально-политической и хозяйственной деятельности человека информационное противоборство стало особым аспектом взаимодействия государственной власти с врагом и внутренними общественными силами, оппонирующими властным элитам. Одновременно происходило выделение работы по целенаправленному доведению информации до социальных масс сначала в отдельную функцию трудовой активности человека, затем в род трудовой деятельности и, наконец, в особую профессиональную категорию³.

По мере накопления опыта по использованию различных приёмов информационно-психологического воздействия возникла потребность в его теоретическом осмыслении⁴. Из документально зафиксированных источников в области теории информационного противоборства исторически первыми считаются труды китайских исследователей.

В Китае научные обоснования важности невоенных форм воздействия на противника связываются с именами философа Конфуция и военного теоретика Сунь-цзы, взгляды которых и сегодня лежат в основе подходов к организации деятельности в сфере информационного противоборства. Так, в своём главном произведении – "Трактате о военном искусстве" – мыслитель Сунь-цзы ставил несиловые меры подавления противника выше силовых: "Во всякой войне, как правило, наилучшая политика сводится к захвату государства целостным; разрушить его значительно легче. Взять в плен армию противника лучше, чем её уничтожить... Одержать сотню побед в сражениях – это не предел искусства. Покорить противника без

² Панарин И.Н. Информационная война и Россия. М.: Мир безопасности, 2000. С. 49.

³ Воронцова Л.В., Фролов Д.Б. История и современность информационного противоборства. М.: Горячая линия – Телеком, 2006. 192 с.

⁴ Подробнее см.: Виловатых А.В. Информационная война: История и современность // Наука. Культура. Общество. 2011. № 4. С. 73–83.

сражения – вот венец искусства"⁵. Соответственно, констатировал Сунь-цзы, войну выигрывает тот, кто "умеет её вести... не сражаясь". В этом плане он отмечал: "Разлагайте всё хорошее, что имеется в стране вашего противника. Разжигайте ссоры и столкновения среди граждан вражеской страны. Мешайте всеми средствами деятельности правительства". Для этого необходимо, во-первых, "разрушить планы противника", во-вторых, "расстроить его союзы" и, лишь в-третьих, "разгромить его войска"⁶.

Большое значение формированию идеологического стержня общества придавал древнегреческий философ, ученик Платона и воспитатель Александра Македонского Аристотель. По его мнению, комплекс философско-мифологических воззрений, который должен быть внушён населению, является, по существу, общеобязательной государственной религией, нацеленной на достижение единомыслия граждан и упрочение социально-политического строя и законопорядка в обществе⁷.

Данные аспекты отмечал в своих трудах и знаменитый римский оратор Цицерон. Он, в частности, указывал на отрицательное воздействие чужеземных нравов и языков, нарушающих внутренние установления и стабильность политического строя, и призывал противодействовать таковым: "Приморским городам свойственны, так сказать, порча и изменение нравов; ибо они приходят в соприкосновение с чужим языком и чужими порядками, и в них не только ввозятся чужеземные товары, но и вносятся чуждые нравы, так что в их отечественных установлениях ничто не может оставаться неизменным в течение долгого времени"⁸.

Формированию концепции достижения превосходства в политической борьбе невоенными методами была подчинена деятельность крупного итальянского мыслителя эпохи Возрождения Никколо Макиавелли. В своих теоретических трудах "Государь" и "Рассуждения" он не претендовал на авторство системной теории информационного противоборства, однако на основании жизненного опыта государственного служащего сформулировал критерии успеха в политической работе в форме афоризмов и предписаний, способных помочь государю обеспечить достижение превосходства над противником невоенными методами в "предательском и ненадёжном мире". По словам Н. Макиавелли, "расстояние между тем, как люди живут и как должны бы жить, столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради должного, действует скорее во вред себе, нежели на благо..."⁹. В этом контексте представляется возможным согласиться с американским политологом – представителем теории неореализма Кеннетом Уолтцем, который отмечал, что применение любых средств достижения превосходства в политической борьбе допустимо при наличии главной цели – умения отступать от добра и пользоваться этим умением "смотря по надобности"¹⁰.

⁵ Цит. по: Головин Н.И. Информационная война // Мир безопасности. 1998. № 8–9 (60). С. 79.

⁶ Коунрад Н.И. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. М.; Л.: Изд-во АН, 1950. 404 с.

⁷ Аристотель. Сочинения: В 4 т. / Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.

⁸ История политических и правовых учений. М.: Инфра-М, 1996. С. 80.

⁹ Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990. С. 45.

¹⁰ Patrick S. Machiavelli: Still Shocking after 5 Centuries // The National Interest. 2014. November, 14. URL: <https://nationalinterest.org/commentary/machiavelli-still-shocking-after-five-centuries-9126> (дата обращения: 12.09.2017).

Важный вклад в развитие научной основы и практики ведения информационного противоборства внесли отечественные полководцы. Так, основоположник русской военной теории А. В. Суворов в своём труде "Наука побеждать" писал: "Развитие „духа“ – первая необходимость для войск: кому не известно, что при робости духа парализуется ум и слабеет тело, и наоборот"¹¹. В 1799 г. А. В. Суворов впервые в истории военного искусства успешно осуществил пропагандистскую операцию как часть единого плана боевых действий, когда распространил среди солдат пьемонтской армии обращение с аргументированным, убедительным предложением о переходе на сторону русско-австрийских сил.

Одна из ключевых ролей в достижении информационного превосходства над соперником справедливо закреплена за французским правителем Наполеоном Бонапартом, которому принадлежат слова: "Четыре газеты смогут причинить врагу больше зла, чем стотысячная армия". Пресса, считал Наполеон, должна писать только то, что ей прикажут, и молчать о том, о чём ей не следует говорить. Примечательно, что боевым операциям армии Наполеона, как правило, предшествовало распускание слухов о значительно преувеличенной численности французских войск, за ними следовало распространение памфлетов и листовок. Для этого при армии была создана походная типография с набором иностранных шрифтов. В целом благодаря слаженной деятельности французских министров национальная пресса Франции нередко вводила неприятеля в заблуждение ложными известиями¹².

Большое внимание вопросам информационного противоборства уделял выдающийся прусский военачальник и военный теоретик Карл фон Клаузевиц. В своём трактате "О войне" он писал: "Мы наталкиваемся ещё на одно своеобразное средство: воздействие на вероятность успеха, не сокрушая вооружённых сил противника. Это – предприятия, непосредственно предназначенные для оказания давления на политические отношения... Этот путь к намеченной нами цели по сравнению с сокрушением вооружённых сил может оказаться гораздо более кратким... При известных условиях, кроме уничтожения сил врага, имеются и иные пути достижения поставленной цели, и... эти пути не содержат в себе внутреннего противоречия, не являются абсурдом и даже не составляют ошибки"¹³.

Следует отметить тот факт, что описанные в трактате "О войне" методы информационного противоборства взяли за основу современные американские экономисты Эл Райс и Джек Траут, положившие начало маркетинговым концепциям "позиционирования" и "маркетинговой войны". В своей книге "Маркетинговые войны" они проводят аналогию между борьбой корпораций за лидерство и военными действиями, где ослабление воли конкурента к сопротивлению обеспечивается за счёт внезапности действий¹⁴.

¹¹ Суворов А.В. Наука побеждать. М.: Изд. центр "Анkil-Воин", 1996. С. 13.

¹² См.: Клеандрова В.М., Яковлев Л.С. История полиции, политического сыска и контрразведки в России в XVIII – начале XX века. М.: ВШ КГБ СССР, 1985. С. 9, 36.

¹³ Клаузевиц К. О войне. М.: Эксмо, 2007. С. 49.

¹⁴ Траут Дж., Райс Э. Маркетинговые войны. М.: Питер, 2018. 288 с.

Прорывы в развитии теории и практики информационного противоборства в периоды мировых войн

На рубеже XIX–XX вв. деятельность военно-политического руководства многих стран по информационному воздействию на население и властные элиты оппонировавших государств приобрела принципиально новый размах и организационное оформление. Это было обусловлено не только накопленным теоретическим потенциалом в области ведения информационного противоборства, но и постепенным приближением мирового сообщества к межгосударственным распрям Первой мировой войны. Именно в преддверии той войны были созданы специальные органы по оказанию информационного воздействия на войска и население противника: в США – Комитет общественной информации, в Великобритании – Управление пропаганды среди войска и населения противника, во Франции – Служба пропаганды, в Германии – Специальный отдел Генерального штаба.

К знаковым теоретическим трудам периода Первой мировой войны относятся опубликованная в 1920 г. в Соединённом Королевстве книга Кэмпбелла Стюарта "Тайны дома Крю", где обобщается опыт английской пропаганды по разложению войска противника; вышедшие в свет в 1922 г. в Германии работы Штерн-Руберта "Пропаганда как оружие политики" и Иоганна Пленге "Немецкая пропаганда"; изданная в США в 1924 г. книга Фридриха Шенемана "Искусство влияния на массы в Соединённых Штатах Америки" и пр.¹⁵

Отдельно следует остановиться на труде известного теоретика информационных войн американца Гарольда Лассуэлла "Техника пропаганды в мировой войне", который был выпущен в 1927 г. Данная работа является одной из первых завершённых научных теорий в западной политологии в области информационного противоборства. Учёный, взяв за основу метод контент-анализа и психологические исследования, объединяющие черты бихевиоризма и фрейдизма, выделил информационно-психологическую сферу противоборства в самостоятельную, а также рассмотрел пропаганду ("менеджмент коллективных мнений с помощью манипуляций значимыми символами"¹⁶) как особый вид оружия, оказывающий влияние на нравственное и психическое состояние неприятеля.

В качестве основных стратегических целей информационно-психологического воздействия на противника Г. Лассуэлл назвал "возбуждение в собственном населении, а также в населении стран-союзников и нейтральных стран ненависти к неприятелю; поддержание дружественных отношений с союзниками; сохранение добрых отношений с нейтральными странами и получение их поддержки; деморализация противника"¹⁷. Учёный

¹⁵ Стюарт К. Тайны дома Крю: Английская пропаганда в мировую войну 1914–1918 гг. М., 1928. 125 с.

¹⁶ Лассуэль Г. Техника пропаганды в мировой войне. М.; Л.: Гос. изд-во, Отд. воен. лит., 1929. С. 139–181.

¹⁷ Там же.

пришёл к выводу, что управление пропагандой должна взять на себя так называемая научная технократия, которая будет осуществлять отбор информации и тем самым противостоять опасностям, угрожающим политической системе.

Несмотря на значительные достижения в накоплении теоретического материала и практического опыта в сфере ведения информационного противоборства в годы Первой мировой войны, о прорывах в данной области можно говорить с наступлением 30-х гг. XX в. Во многом это связано с подходом руководства гитлеровской Германии, которое прикладывало большие усилия для информационного сопровождения собственной политической деятельности. В целом на эффективность практики ведения информационного противоборства германским руководством во время Второй мировой войны указывает то обстоятельство, что Германии, по существу, удалось без единого выстрела захватить Австрию, Чехословакию, Норвегию, Данию, а также длительный период манипулировать общественным мнением в государствах-противниках.

Важно отметить и то, что в ходе Второй мировой войны на первый план политики Запада вышла высокая эффективность ведения информационного противоборства странами англосферы, прежде всего Великобританией и США. Для этого ими была налажена соответствующая организационная система, а также осуществлялась тесная координация в военной области и между представителями специальных служб.

Так, в июне 1942 г. в Соединённых Штатах Америки был создан отдельный орган для ведения внутренней и внешней пропаганды – Управление военной информации. Проведением информационно-психологических операций в единстве с боевыми действиями войск занималось национальное Управление стратегических служб. Кроме того, при американском разведывательном управлении была создана Группа специальной службы, позже переименованная в Управление психологической войны.

В качестве примера успешного функционирования данных подразделений следует назвать тот факт, что в 1942 г. перед сотрудниками исследовательского отдела Управления стратегических служб США была поставлена задача по изучению истории, культуры, языка населения стран – противников Соединённых Штатов во Второй мировой войне. Тогда социокультурному анализу подверглась японская культура, так как Токио был для Вашингтона самым трудным для понимания соперником из числа тех, с кем последнему приходилось когда-либо вести войну. В этом контексте целесообразно вспомнить слова известного американского антрополога Рут Бенедикт, которая писала: "Ни в какой другой войне с крупным противником мы не оказывались перед необходимостью принимать в расчёт совершенно отличные от наших обыкновения в поведении и мышлении. <...> Принятые западными народами как факты человеческой природы условные правила ведения войны явно не признавались японцами. <...> Главной проблемой стала природа врага. Чтобы справиться с ним, нужно было понять поведение японцев"¹⁸.

Одной из ведущих задач такой деятельности для американских специалистов было выяснение реакций отдельных социальных групп на

¹⁸ *Benedict R.* The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture. Boston, 1946. P. 324.

различные социально-экономические стимулы (в частности, долгосрочные). В результате проведённых экспериментов учёные пришли к выводу, что большинство людей не способны осознавать информационные и психоэмоциональные воздействия, даже если им об этом сообщают прямо. Именно в то время специализировавшиеся на социологических, психологических, исторических знаниях эксперты сформулировали прикладную междисциплинарную концепцию психоистории – обобщённой технологии управления историческим развитием больших социальных групп.

В целом, как нам представляется, комплексно деятельность англосаксонских стран в области информационного противоборства рассмотрена в научном труде "Психологическая война" американского исследователя Пола Лайнбарджера. Примечательно, что до начала своей научной карьеры П. Лайнбарджер был сотрудником Управления военной информации США и участвовал в организации американской пропаганды среди войск и населения противника на Европейском и Тихоокеанском театрах военных действий. В указанной книге особенно привлекает внимание разработанная учёным система знаний, необходимых специалистам в сфере информационного противоборства. К таковым П. Лайнбарджер причислил "знание современной политики и военного искусства; знание обычаев, языка, традиций населения региона страны психологического воздействия; профессиональное знание СМИ; понимание психологии, социологии, антропологии и истории"¹⁹.

Холодная война как локомотив совершенствования форм и методов информационного противоборства

С наступлением холодной войны научные и аналитические исследования в информационной сфере стали развиваться в США, уже набравших геополитическую мощь и мировое влияние, форсированными темпами. Этому способствовало и появление у Америки стратегического противника – СССР. Начало затяжной эпохи противостояния двух держав было ознаменовано созданием оружия массового уничтожения, что стало ведущим фактором смены парадигмы достижения превосходства в военных конфликтах. Соответственно, для удержания позиции глобального гегемона Соединённые Штаты взяли курс на разработку различного рода невоенных концепций ведения боевых действий, с тем чтобы, по Сунь-цзы, "достигать превосходства в войне без непосредственного сражения с противником".

Активная деятельность организованных в период Второй мировой войны профильных подразделений по информационному противоборству в США привела к тому, что в 1950-е гг. американцы занялись разнообразными аспектами проблематики исследований в области информационного противоборства, инструментами которого теперь стали и новые отрасли знания. Так, в целях решения определённых задач западные государственные деятели усиленно обращались к потенциалу "буржуазных наук",

¹⁹ Лайнбарджер П. Психологическая война. М.: Воениздат, 1962. С. 122–132.

в том числе к прикладной социологии. Именно во второй половине прошлого века Соединённые Штаты создали национальную систему социологического мониторинга оперативной и стратегической информации, получаемой с помощью проведения соответствующих исследований. Основы этого заложил автор оригинальной концепции общественного мнения американский политолог Уолтер Липпман²⁰.

Учёный обосновал, что аккумулированные за многие годы результаты социологических опросов могут дать обширный эмпирический материал, бесценный с точки зрения выстраивания государственной политики на внутри- и внешнеполитическом направлениях. Социологические данные, утверждал исследователь, являются важным источником для изучения тенденций (от долговременных до краткосрочных) в национальном и мировом общественном мнении. Кроме того, как отмечал У. Липпман, тщательный анализ общественного мнения имеет неоценимую важность при выстраивании политики целенаправленного информационно-психологического воздействия на умонастроения населения, т.е. фактически для управления массовым сознанием.

Вскоре в Соединённых Штатах Америки был создан Центр русских исследований Гарвардского университета (в настоящее время – Центр российских и евразийских исследований им. Дэвиса). В 1950-е гг. специалистами данного учреждения было инициировано интервьюирование советских граждан, получившее название "Гарвардский проект", в целях получения дополнительной социально-политической информации о населении Советского Союза. Работа проводилась под эгидой группы политического планирования Государственного департамента США во главе с известным экономистом, дипломатом Джорджем Кеннаном. В опросах приняли участие порядка 2 тыс. респондентов (граждане Советского Союза, которые к окончанию Второй мировой войны находились в американской зоне оккупации). В результате были собраны сведения по основным социальным проблемам в СССР и дополнительный материал, касающийся семейных, экономических и властных отношений в стране²¹.

Данный проект, позволивший не только описать социокультурный базис конкретного государства, но и эмпирически изучить качественные установки различных социальных групп и основные болевые точки советского общества, имел под собой вполне конкретное обоснование. Как отмечалось в официальном описании исследования, задачей Военно-воздушных сил США, финансировавших проект, была оценка:

- а) психологической уязвимости гражданского населения при массированных бомбардировках;
- б) непрямого эффекта таких действий.

Вместе с тем непосредственный инициатор Гарвардского проекта Джон Пэтон Дэвис указывал, что полученные в ходе эксперимента данные имеют

²⁰ Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой; под ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. М.: Ин-т Фонда "Общественное мнение", 2004. 384 с.

²¹ The Harvard Project on the Soviet Social System Online // Harvard Library. 2018. June, 14. URL: <https://library.harvard.edu/collections/hpsss/index.html> (дата обращения: 03.06.2020).

непреложную значимость для планирования политики США по отношению к СССР в условиях начинавшейся тогда холодной войны.

Во второй половине XX в. в американском политическом истеблишменте было принято решение создать многочисленные точно ориентированные структуры, которые занимались бы конкретными аспектами ведения информационного противоборства, причём преимущественно в мирное время. В этом контексте наиболее эффективно функционировало Информационное агентство США, учреждённое в 1953 г. при Государственном департаменте. Оно было вовлечено в пропагандистскую деятельность за рубежом до 1999 г., когда было интегрировано в систему указанного ведомства.

Широко использовался и потенциал различных неправительственных организаций, культурных и гуманитарных миссий. Тогда были сформированы первые экспертно-аналитические структуры, ведущие исследовательскую и консультационную деятельность по государственным и корпоративным контрактам в области политики, экономики, обороны и оценки возможных последствий политических решений для национальной безопасности. Со временем, помимо выполнения собственно профильных функций, они стали выступать мощным рупором американской пропаганды.

Примечательно, что именно в этот период, придавший мировой политике весомую долю турбулентности, Соединённые Штаты включились в информационное противоборство глобального масштаба с целью создания для мировой общественности сущности и содержания привлекательного образа американского стиля жизни, идей, модели поведения, моды, социальных стереотипов и пр. При этом характерно, что основной упор западные стратеги сделали на продвижение американских ценностей – так называемой индивидуальной свободы, прав человека, демократических механизмов, рыночной экономики, правового государства. В большинстве своём такая деятельность была направлена на ослабление культурно-исторических опор других стран, нередко имевших более разнообразное и богатое культурное наследие, чем сами США. Данной цели и сегодня подчинена транслируемая Вашингтоном во внешний мир массовая популярная культура, на службе которой находятся американский кинематограф, литература, музыка и пр.

Несколько нарушило планы Соединённых Штатов по достижению всеобъемлющего информационного доминирования то, что со второй половины XX в. наметился тренд на расширение количества участников информационного противоборства. В таблице условно представлены легитимные или нелегитимные акторы мировой политики, работа которых связана в том числе с информационным воздействием.

Активное участие негосударственных акторов в процессах информационного противоборства правомерно поставило на повестку дня политологов и правоведов вопрос об их субъектности в мировой политике. Как нам представляется, деятельность легитимных и нелегитимных акторов указанной сферы и сегодня является частным аспектом более широкого вопроса о функциональной роли современных государств в условиях меняющегося мира. Так, ещё в 1976 г. специальный парламентский

Таблица

Субъекты информационного противоборства

Легитимные	Нелегитимные
Государства	Террористические и экстремистские группировки
Международные организации	Нелегальные вооружённые формирования
Неправительственные организации	Хакерские и хактивистские сообщества
Средства массовой информации	Стихийные социальные движения
Отдельные личности	Отдельные личности

комитет по изучению работы специальных служб США установил, что Центральное разведывательное управление профинансировало почти половину грантов, выданных американским неправительственным организациям в сфере международной деятельности. При этом отмечалось, что такие известные структуры, как фонды Форда, Рокфеллера и Карнеги, являются "оптимальным и наиболее приемлемым инструментом финансового прикрытия, обеспечивающим деятельность американских спецслужб"²².

Вместе с тем сказанное не отменяет того факта, что многие участники мировой политики выступают как самостоятельные субъекты, преследующие собственные цели. Более того, с учётом имеющихся ресурсов некоторые из них нередко становятся провокаторами проблем международного масштаба и способны применять в том числе военные средства в достижении политических целей. Об этом, в частности, свидетельствует полувековая деятельность крупных террористических группировок с геополитическими амбициями, поддерживаемых правительствами зарубежных государств²³.

Одним из первых исследователей, комплексно анализировавшим данную проблему, был выдающийся отечественный социолог и военный теоретик Евгений Эдуардович Месснер. Ещё в 1960 г. он опубликовал книгу "Мятеж – имя Третьей всемирной", став автором концепции о мятежевойне как новой форме протекания военного конфликта в условиях интеграции информационного противоборства в мировой политической процесс в условиях усиления фактора международного терроризма. С точки зрения учёного, суть войн будущего определит именно невоенный компонент противоборства: "В мятежевойне часто будут прибегать к стратегии престижа. Это – отклонение от догм классического военного искусства.

²² Сондерс Ф.С. ЦРУ и мир искусств: Культурный фронт холодной войны. М.: Ин-т внешнеполит. исслед. и инициатив; Кучково поле, 2013. С. 117.

²³ См.: Профилактика терроризма и экстремизма в молодёжной среде / М.А. Кочубей, П.Л. Мареев, А.А. Смирнов, Е.В. Сутормина; под общ. ред. А.П. Новикова; Анти-террористический центр государств – участников СНГ; Междунар. общественный фонд "Рос. фонд мира". М.: Русь, 2018. 93 с.

Это – ересь. Но мятежевойна – еретическая война. И будут воевать еретически, пока война не отделится от мятежа..."²⁴

В целом Е. Э. Месснер придерживался позиции, что к началу XX в. военачальникам придётся отказаться от веками установившихся понятий о войне, и в этом контексте он рекомендовал избегать разделения времени на "мирное" и "военное". В своих исследованиях учёный пришёл к выводу о том, что внесистемному противнику "легче разложить государство, чем его покорить оружием. Государства стали морально уязвимыми, потому что ослабело мистическое значение государства. Оно в глазах людей перестало быть высшим из земных установлений. <...> Разложить дух врага и уберечь от разложения свой дух – вот смысл борьбы в четвёртом измерении, которое сделалось более важным, чем три прочих измерения"²⁵.

Инструментарий информационного противоборства ещё более расширился, когда со второй половины XX в. на Западе начали активно изучать эффекты группового поведения, проявляющиеся под специально организованным воздействием. Важное значение в этом плане имели эксперименты зарубежных учёных – Соломона Аша, Стэнли Милгрэма, Филипа Зимбардо и пр., которые эмпирически апробировали наработки в области информационно-психологического воздействия на больших и малых социальных группах. Большинство указанных исследований вызвало широкий резонанс в мировой общественности, подняв вопросы об этике политических технологий, нацеленных на управление групповым и массовым поведением людей.

Например, Стэнфордский тюремный эксперимент американского психолога Ф. Зимбардо, по официальной версии, заказанный в 1971 г. Военно-морским флотом США для объяснения социальных конфликтов в исправительных учреждениях ведомства и в морской пехоте, был прекращён досрочно (на шестой день вместо запланированных двух недель) по этическим соображениям. Даже в ходе незавершённого исследования Ф. Зимбардо выяснил доминирование ситуативных социальных факторов в поведении человека над его личностными характеристиками. Эксперименты продемонстрировали восприимчивость и покорность людей, когда присутствует оправдывающая идеология, особенно поддерживаемая со стороны общественности и государственных структур. В целом подобные наработки явились подтверждением конформного поведения личности в социуме, а впоследствии широко использовались для развития технологий информационно-психологического воздействия на умонастроения масс²⁶.

Таким образом, в свете укрепившихся тенденций к концу XX в. вектор научной и практико-ориентированной деятельности в сфере информационного противоборства на Западе сместился в сторону перспектив разработки особого вида поведенческого оружия, нацеленного на трансформацию стереотипов поведения и идентичности социума.

²⁴ Мысли Е. Месснера о сути современной мятежевойны // Milresource. 2006. URL: <http://www.milresource.ru/Quotations-Messner.html> (дата обращения: 19.06.2020).

²⁵ Там же.

²⁶ Подробнее см.: *Виловатых А.В.* Использование информационно-коммуникационных технологий в военно-политических целях: Социально-психологический аспект // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 2 (47). С. 197–211.

Информационное противоборство в условиях технологической революции

Набравшая силу ближе к концу XX в. межгосударственная конкуренция способствовала появлению новых, более совершенных систем вооружений, обостривших соперничество между властными элитами многих стран по достижению более выгодных позиций в мировой политике. Одновременно складывавшаяся ситуация содействовала форсированию опасных разработок в сфере информационного противоборства. Во многом это было обусловлено отсутствием непосредственно военного столкновения субъектов в описываемый исторический период, а также комплексным и вместе с тем нелетальным характером поражения, присущим информационному оружию.

В данных обстоятельствах учёные и практики стали активно исследовать новые возможности в области информационного воздействия. Уже первые разработки по линии создания и внедрения в политическую практику инновационных решений существенным образом повлияли на трансформацию содержательного аспекта ведения такого рода противоборства. Прежде всего обнаружился широкий потенциал высоких технологий как инструмента оказания информационно-психологического и информационно-технического воздействия. Вскоре эксперты столкнулись также с результатами "кибернетической революции", повлёкшей массовое внедрение различных информационных систем во все сферы жизнедеятельности государства и общества. Информационно-коммуникационное пространство глобальной сети Интернет стало театром ведения противоборства. В целом, описывая этап мирового развития, именуемый "технологической революцией", специалисты сходятся во мнении, что он является совершенно новой вехой в истории человечества²⁷.

Указанные изменения привели к расширению научного инструментария и эмпирической базы, применимых в соответствующей сфере в мирное и военное время, а также к введению необходимых категорий в законодательство многих государств и их коалиций.

Впервые осуществление информационных операций как части военно-политической деятельности государства было закреплено в американской нормативно-правовой базе. К числу первых законодательных актов, овещающих основы ведения информационного противоборства, относится директива Министерства обороны США TS3600.1 от 21 декабря 1992 г. "Информационная война", выпущенная после проведения операции "Буря в пустыне" в Персидском заливе. В указанном документе впервые официально использовался рассматриваемый термин²⁸. В 1993 г. в директиве Комитета начальников штабов № 30 уже были изложены основные принципы ведения информационной войны. Наконец, в 1996 г. Пентагон утвердил доктрину под названием "Доктрина войны с системами боевого управления". В ней было дано следующее определение информационной

²⁷ Миловидов В.Д. Симметрия заблуждений: Факторы неопределённости финансового рынка в условиях технологической революции. М.: Магистр, 2019. 335 с.

²⁸ Information Warfare. Directive TS3600.1 // U.S. Department of Defense. 1992. December, 21.

войны: "Действия, предпринятые для достижения информационного превосходства в интересах национальной стратегии и осуществляемые путём влияния на информацию и информационные системы противника при одновременной защите собственной информации и своих информационных систем"²⁹.

В 1998 г. в США была разработана "Объединённая доктрина информационных операций", где основной стала категория "стратегическое информационное противоборство". Согласно документу, целями воздействия в стратегическом информационном противоборстве являются объекты противника, выбираемые по принципу так называемых пяти колец: политическое и военное руководство страны, системы жизнеобеспечения, инфраструктура, население, вооружённые силы³⁰.

Вскоре представления военно-политического руководства Соединённых Штатов Америки о регламентации ведения информационного противоборства нашли своё отражение в выработке основополагающих концептуальных и директивных документов Североатлантического союза, содержание которых базировалось на заимствованных у США идеях и терминологии. В них взгляды трансатлантических государств на информационное противоборство характеризовались следующей целевой установкой: "...массированное использование информационных ресурсов позволяет управлять общественным мнением вплоть до изменения системы ценностей широких масс населения"³¹.

В целом следует констатировать, что в прежние времена практика информационного противоборства опиралась главным образом на предшествующий политический опыт невоенного противостояния, накопленный в ходе исторического развития, основываясь на традиционных методах убеждения социума и его отдельных групп, политических элит. Однако в дальнейшем в межгосударственных отношениях создавались условия не только для последовательной трансформации вооружённого противостояния в информационное противоборство, но и для превращения его в самостоятельное направление внешней политики развитых государств. В результате информационное противоборство влилось во все формы вооружённой и политической борьбы, став одним из доминирующих инструментов политического принуждения.

* *
*

Проведённый ретроспективный анализ свидетельствует о том, что среди всего разнообразия политических процессов информационное противоборство отличает ряд характеристик:

– процесс информационного противоборства латентен, поскольку представляет собой совокупность относительно самостоятельных скрытых видов деятельности политических субъектов (в том числе социальных

²⁹ Command and Control Warfare. Joint Publication 3-13.1 // Joint Chiefs of Staff. 1996. February.

³⁰ Joint Doctrine for Information Operations. Joint Publication 3-13 // Joint Chiefs of Staff. 1998. December.

³¹ Олевский В. Доктрина психологических операций НАТО // Зарубежное военное обозрение. 2016. № 5. С. 12–20.

институтов) с целью подавления воли оппозирующей стороны в собственных интересах, которая в итоге способна вызвать как локальные, так и масштабные трансформации социально-политической системы;

– информационное противоборство как своеобразная форма протекания политических изменений на пересечении различных сфер жизни общества (экономической, политической, социальной и духовной) обладает не только собственной ритмикой (повторяемостью), но и достаточно высокой степенью динамизма, отличающей его от других политических процессов;

– информационному противоборству присущ ярко выраженный ненормативный характер, что объясняется наличием в его политическом пространстве большого количества самых разных политических акторов (легитимных и нелегитимных), обладающих собственными ресурсами трансформации политической системы, сочетание которых лишает процесс информационного противоборства строгой устойчивости, в отличие от некоторых других политических процессов (например, избирательного);

– процесс информационного противоборства реализуется как результирующая сумма политических волей, но в основном посредством соответствующих нормативно определённых технологий и процедур действий. Развитие процесса информационного противоборства можно спрогнозировать только при наличии своевременной и достоверной информации о намерениях и планах участвующих в нём конкретных субъектов, применяющих привычные и чаще всего регламентированные способы и приёмы деятельности.

Следует отметить, что в последние десятилетия в мировой политике появились обстоятельства, которые внесли определённый дисбаланс в развитие процессов информационного противоборства и всё ещё недостаточно учтены как в политическом, так и в научном плане. К таким факторам как минимум относятся:

– включение в состав информационного противоборства большего числа политических акторов (легитимных и нелегитимных), причём соотношение их участия в этом процессе постоянно меняется;

– наращивание геополитической конкуренции между крупными государствами, динамика ослабления и, напротив, усиления которых в системе мировой политики в последние годы происходит форсированными темпами;

– создание и внедрение в политическую практику цифровых достижений технологической революции, формирующих принципиально новую социальную, экономическую и политическую реальность.

Ранее отсутствие должного внимания к указанным аспектам не привнесло серьёзных искажений в аналитический и исследовательский процесс. Однако сегодня, в свете расширения пространств ведения информационного противоборства (прежде всего в кибернетической среде), появления принципиально новых инструментов воздействия на массовое сознание, мимикрирующий характер и нелинейность данного процесса нередко выступают на первый план взаимодействий в политической сфере.

С точки зрения перспектив политического развития государства как социального института представляется важным обратить внимание на следующее обстоятельство. В настоящее время государственное руководство

любой страны, имеющее, по Т. Гоббсу, "мандат на насилие", не способно в достаточной мере контролировать различные проекции ведения информационного противоборства: ни в концептуальном, ни в содержательном, ни в правовом ракурсе. Как отмечалось выше, это обусловлено не только крупными прорывами в военном деле, но и форсированным развитием технологий, преимуществами которых пользуются как легитимные, так и нелегитимные акторы мировой политики.

Фактически при разрастании объектно-субъектного состава информационного противоборства и одновременном обращении участников данного процесса к разнообразным социальным интернет-сервисам государство постепенно теряет рычаги управляемости подачи информации населению собственной страны, равно как и контролируемого режима её распространения до противоборствующей стороны. В результате в условиях цифровой среды, характеризующейся трансграничными и полиакторными нелинейными взаимодействиями, трансформируется сам механизм работы госорганов со средствами массовой информации и коммуникации.

Вероятно, недостаточно контролируемое властными элитами технологическое развитие (в отдельных странах и на международном уровне в целом) способно запустить процессы, которые в итоге станут определённой вехой реформирования нынешнего мироустройства. Риски единовременного и повсеместного внедрения цифровых инноваций в жизнедеятельность государства чрезвычайно велики. Можно предположить, что геополитически будущее человечества станет зависеть в том числе и от того, как общества с разными ценностями будут воспринимать и использовать новые источники данных. Именно поэтому во главу угла процессов цифровизации, оставляющих след в любой сфере функционирования государства и социума, целесообразно ставить этические аспекты современной технологической революции.

Ключевые слова: *информационное противоборство – цифровые технологии – информационно-психологическое воздействие – кибернетическая безопасность – общественное мнение – массовое сознание – национальная безопасность.*

Keywords: *information warfare – digital technologies – information and psychological impact – cybersecurity – public opinion – mass consciousness – national security.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. / Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
2. *Виловатых А.В.* Информационная война: история и современность // Наука. Культура. Общество. 2011. № 4. С. 73–83.
3. *Виловатых А.В.* Использование информационно-коммуникационных технологий в военно-политических целях: Социально-психологический аспект // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 2 (47). С. 197–211.
4. *Воронцова Л.В., Фролов Д.Б.* История и современность информационного противоборства. М.: Горячая линия – Телеком, 2006. 192 с.

5. Головин Н.И. Информационная война // Мир безопасности. 1998. № 8–9 (60).
6. История политических и правовых учений. М.: Инфра-М, 1996.
7. Клаузевиц К. О войне. М.: Эксмо, 2007. 861 с.
8. Клеандрова В.М., Яковлев Л.С. История полиции, политического сыска и контрразведки в России в XVIII – начале XX века. М.: ВШ КГБ СССР, 1985.
9. Конрад Н.И. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. М.; Л.: Изд-во АН, 1950. 404 с.
10. Лайнбарджер П. Психологическая война. М.: Воениздат, 1962. 352 с.
11. Ласвель Г. Техника пропаганды в мировой войне. М.; Л.: Гос. изд-во, Отд. воен. лит., 1929. 199 с.
12. Литтман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой; под ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. М.: Ин-т Фонда "Общественное мнение", 2004. 384 с.
13. Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990.
14. Миловидов В.Д. Симметрия заблуждений: Факторы неопределённости финансового рынка в условиях технологической революции. М.: Магистр, 2019. 335 с.
15. Мысли Е. Месснера о сути современной мятежевойны // Milresource. 2006. URL: <http://www.milresource.ru/Quotations-Messner.html> (дата обращения: 19.06.2020).
16. Олевский В. Доктрина психологических операций НАТО // Зарубежное военное обозрение. 2016. № 5. С. 12–20.
17. Панарин И.Н. Информационная война и Россия. М.: Мир безопасности, 2000. 159 с.
18. Профилактика терроризма и экстремизма в молодёжной среде / М.А. Кочубей, П.Л. Мареев, А.А. Смирнов, Е.В. Сутормина; под общ. ред. А.П. Новикова; Антитеррористический центр государств – участников СНГ; Междунар. общественный фонд "Рос. фонд мира". М.: Русь, 2018. 93 с.
19. Сондерс Ф.С. ЦРУ и мир искусств: Культурный фронт холодной войны. М.: Ин-т внешнеполит. исслед. и инициатив; Кучково поле, 2013.
20. Стюарт К. Тайны дома Крю: Английская пропаганда в мировую войну 1914–1918 гг. М., 1928. 125 с.
21. Суворов А.В. Наука побеждать. М.: Изд. центр "Анkil-Воин", 1996.
22. Траут Дж., Райс Э. Маркетинговые войны. М.: Питер, 2018. 288 с.
23. Benedict R. The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture. Boston, 1946.
24. Command and Control Warfare. Joint Publication 3-13.1 // Joint Chiefs of Staff. 1996. February.
25. Information Warfare. Directive TS3600.1 // U.S. Department of Defense. 1992. December, 21.
26. Joint Doctrine for Information Operations. Joint Publication 3-13 // Joint Chiefs of Staff. 1998. December.
27. Patrick S. Machiavelli: Still Shocking after 5 Centuries // The National Interest. 2014. November, 14. URL: <https://nationalinterest.org/commentary/machiavelli-still-shocking-after-five-centuries-9126> (дата обращения: 12.09.2017).
28. Rona Th.P. Weapon Systems and Information War. Boeing Aerospace Co. Seattle, WA, 1976. P. 3–13.
29. The Harvard Project on the Soviet Social System Online // Harvard Library. 2018. June, 14. URL: <https://library.harvard.edu/collections/hpsss/index.html> (дата обращения: 03.06.2020).